

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИСПАНИЯ!

Солнечное зимнее утро. 11:00. Мороз. Красивый заснеженный лес. По шоссе на дороге, расчищенной снегоуборочной машиной, молча идут три молодых человека. Скользя, спотыкаясь и останавливаясь время от времени, чтобы передохнуть. Это высокий, одетый в бежевую импортную куртку на меху с молнией и в вязаной шапочке Илья. Владимир пониже ростом, кряжистый, широкоплечий, тоже в шапочке и куртке, но чёрной, в советской. И усатый Олег. Он постарше товарищей на несколько лет, потому что пришел в институт из армии. Он в зимнем длинном чёрном пальто, в ношенной пыжиковой шапке-ушанке. Видно, что он из провинции, малоимущий студент.

Парни останавливаются около металлических ворот без одной створки. Илья и Володя ставят на снег спортивные сумки, а Олег – чемодан и авоську, в которой что-то лежит, завернутое в газету. Снимают перчатки, начинают растирать щёки, носы, подбородки, уши.

– Красотища! – восторженно произносит Олег. – Напоминает мою Сибирь.

– Лепота! Отдохнём по полной программе! – оглядываясь вокруг и задирая голову, выдыхает Владимир.

– Я давно хотел такого! Ни больше ни меньше. Кажись, добрались. Ух! – поднимает кулак Илья.

– Слава богу, а то я совсем продрог в этой фуфайке, – Илья дёргает за полу свою куртку.

– Да ладно тебе, не болтай! В такой финской куртке и замёрзнуть! Не ври!

Илья, пристыженный, замолкает. Потом берёт двумя пальцами подол Володиной куртки и делает ему комплимент:

– А вот Володькина куртка хоть и отечественного производства, некрасивая, зато толстая и действительно тёплая.

– Ещё один бросок! Ещё одна попытка! Вперёд! – командует Олег, подхватывая чемодан и авоську.

Его сокурсники берут сумки и через три минуты подходят к большому кирпичному зданию. Это административный корпус, тоже с жилыми номерами для отдыхающих и пристроенной к нему столовой. Лепная надпись над входом в здание дома отдыха: д/о «Коммунальник». Справа в сугробе они видят деревянную доску объявлений. На прибитом к доске листе ватмана нарисован магнитофон, похожий на «Комету», из которого во все стороны разлетаются, как салют, скрипичные ключи, ноты, звёзды, и написано объявление разноцветными буквами: «Сегодня, 25 января, в 21:00, в Клубе д/о состоится вечер знакомств и танцы».

– Ого! – радостно произносит Илья. – С корабля на бал! Пошли оформим наши отношения с д/о. Переоденемся – и на обед! Лыжи возьмём на базе, подремлем. Потом – ужин и танцы. На лыжах сегодня не пойдём?

– Нет, будем вживаться, как говорят разведчики, – таинственно шепчет Илья.

– Тебе виднее, – шепчет ему в ответ Володя, приложив палец к губам.

Троица входит в двери административного здания. Вскоре приятели выходят из главного корпуса и, любуясь природой, идут по узенькой дорожке среди сугробов к трёхэтажному жилому корпусу. Подходят к корпусу.

– Что-то никого не видать, – говорит Володя.

– На лыжах уже все катаются. Или в лесу гуляют. Самое времечко для лыж.

В это время из корпуса со смехом выбегает ватага таких же, как они, молодых людей. С лыжами и санками. Также, видимо, студенты. Они весело направляются к лесу.

Олег открывает на ржавых петлях входную дверь.приятели-однокурсники входят в жилой корпус, проходят по коридору и останавливаются у белой двери с номером 13.

– Приехали! Чёртова дюжина, – шепчет Илья.

– Меня это не волнует, – говорит Олег. – Я без предрассудков. Ни в Бога, ни в чёрта не верю. Какая разница?! Было бы удобно жить, комфортно. Давай ключ, я открою.

Олег по-хозяйски берёт у Володи ключ от номера. Его приятели расстёгивают куртки, снимают головные уборы и ждут, пока Олег возится с длинным ключом, ковыряя им в замочной скважине. Наконец дверь поддаётся. Они входят в непрезентабельный трёхместный номер. Их взору предстают три продавленные кровати – синяя, зелёная и серая, застеленные байковыми одеялами, зачирканные карандашами и прожжённые сигаретами тумбочки, красочно изрезанный ножом круглый стол с тремя гранёными стаканами и пузатым графином. В углу – доисторический платяной шкаф.

Илья открывает со страшным скрипом дверцу шкафа. По лицам ребят видно, что шкаф производит на них удручающее впечатление ещё и весёленькой надписью, сделанной гвоздём на внутренней стенке правой дверцы кем-то из прежних постояльцев. Надпись гласила: «Берегитесь! Здесь недавно убили человека!»

– Ничего себе! – присвистнул Олег.

– Д-а-а, – протянул Илья, – дела!

Володя качает головой. Трогает зачем-то ногтем нацарапанное предостережение. А Олег распоряжается:

– Ладно! Может, не совсем убили или даже совсем и не убили, а просто вот нацарапали придурки какие-то.

– Где убили, не совсем ясно. В доме отдыха? В номере? Или в шкафу? – шутит Илья. – Насмерть убили или не совсем насмерть? Давайте-ка лучше распаковываться и обустраиваться. Удружила нам, Володька, твоя мама с путёвками!

– Выбора не было. Скажите ей и мне спасибо хотя бы за это, а то совсем бы не отдыхали, а околачивались бы сейчас в Москве, – обижается Володя за свою маму.

– Спасибочки твоей мамочке. Большое-пребольшое, нижайшее наше комсомольское спасибо, – шутливо кланяется ему Илья.

– Клоун, – недовольно морщится Володя.

– Не клоун, а паяц, – отшучивается Илья. – Смотри у меня! Побью!

– Ещё кто кого! Не посмотрю, что ты сын спецкора «Правды», – Володя, играя мускулами, принимает позу каратиста. – Скорее всех нас размажут здесь по стенам.

Володя садится на пружинную кровать, которая со скрипом прогибается под ним. Он качается, сидя на кровати.

– Вот-вот, – угадывает его мысли Олег. – Попрыгаем. Как на батуте. У нас в армии в казарме лучше было.

Он снова по привычке, когда начинает нервничать, разглаживает свои почти чапаевские усы. Илья оптимистически произносит:

– Хватит паниковать, пошли на базу. Выберем себе лыжи. Полежим, почитаем и – в столовую! А вечером – на танцы.

– Прижиманцы, – ухмыляется Олег. – Эх, молодость, молодость. Мне старичку ваши танцы...

– Ладно из себя старика-то строить! – Илья достаёт из бокового кармана куртки газету «За рубежом», показывает приятелям. – Свежая.

Бросает газету на тумбочку и продолжает:

– Всего-то на четыре года старше нас, а уж танцы не нужны. В монахи себя записал? Не рановато ли?!

– Интересно, здесь много отдыхающих? – глядит на товарищей Володя.

– Важен женский контингент. Не число, а качество! Давайте разбираться с койками. Кто где ляжет?

– Чур, моя люля – синяя. У окна, – направляется беспрекословно к синей кровати Олег.

– Тоже мне, раскомандовался тут! Ты не командир нашего стройотряда, не бугор уже. Здесь не армия. И ты не командир своей роты, а самый рядовой отдыхающий, как и

мы. У нас здесь коллегиально принимаются решения. Правильно я говорю? – он вопросительно и с надеждой смотрит Илья на Володю.

Тот молчит. Тогда Илья смягчает тон:

– Но мы в принципе согласны. Занимай синюю. Тогда я – на зелёной. Справа у окна.

– Я уж на этой, серой, – Володя берёт с пола сумку и опускает на кровать. Начинает в ней рыться и вытаскивать вещи. Его приятели тоже молча распаковываются. Часть вещей они раскладывают по полочкам в шкафу, верхнюю одежду вешают в шкафу на кривые проволочные вешалки и облачаются в выходные наряды.

Приятели собираются на танцы. Илья и Володя надевают новенькие шерстяные тёмно-синие олимпийские костюмы с молниями, с двумя белыми полосками на брюках, с воротниками с белой полосой. Олег надевает байковую рубашку в клетку и костюм. Они причёсываются перед треснувшим зеркалом в платяном шкафу. Илья приглаживает свою рыжую шевелюру:

– Красив я, а?

– Куда нам до тебя! – Олег причёсывает свои тёмные вьющиеся волосы и стряхивает перхоть с воротника костюма. За ним подходит к зеркалу и причёсывает свою чёлку Володя. Илья и Володя надушились импортным одеколоном. Олег достаёт свой одеколон «Саша», но Илья, понюхав одеколон и, произнеся: «Фи!», молча и решительно отбирает у Олега одеколон и душит его своим:

– А твоего «Сашу» пить надо для аппетита – как аперитив, а не душиться им. Понятно объяснил?

Приятели быстрым шагом, вытянувшись в цепочку, направляются в свете фонарей по узкой извилистой тропинке, окаймлённой сугробами, в отдельно стоящий Дом культуры на танцы. Илья ловит открытым ртом падающие снежинки.

В клубе приятели видят висящий транспарант «С Новым, 1967 годом, дорогие товарищи!» и отдыхающих. Это в основном студенты: около 20 девчонок, которые расположились вдоль батареи отопления с левой стороны от сцены, и 10 парней – с правой стороны от сцены, вдоль широких высоких окон. Есть и несколько пенсионеров. Они стоят группками по двое, по трое. Вынесенные стулья взгромоздили друг на друга штабелями в фойе. Находящийся в радиоточке магнитофон громогласно через динамики начинает танцы песней Арно Бабаджаняна «Королева красоты». Но никто не решается открыть бал первым. На середину зала выходит организатор мероприятия:

– Ну что же вы, молодёжь? Давайте, давайте, активнее! Кавалеры, приглашайте дам! Не буду вам мешать!

Мадам отходит поближе к входу в зал. Девчонки стоят группами и шушукаются. Пенсионеры колеблются: оставаться им или уйти? Несколько девчонок и пенсионеров начинают всё же танцевать. Олег, Илья и Володя раскрепощённо, как знающие себе цену инязовцы, выходят в центр площадки для танцев. Илья и Володя, победоносно рассматривая девчонок, заводят себя пощёлкиванием пальцами в такт музыке и напевают:

– И я иду к тебе навстречу,

И я несу тебе цветы,

Как единственной на свете

Королеве красоты...

Олег молчит. Видно, что он размышляет в растерянности, мол, зачем я здесь оказался и как я сюда попал.

Вдруг проём в актовЫй зал заполняет тёмная человеческая масса, пахнущая кирзой и потом. Танцплощадку наводняет ватага местных пацанов. Было их человек 15. В колоритных, с масляными пятнами телогрейках, потёртых и штопанных кожанках, в пальто и полупальто из драп-дерюги, в ушанках из шкур всевозможных зверей. Кто в валенках, кто в кирзовых сапогах, кто в ботинках с заклёпками. Некоторые из парней были в приличном подпитии.

Трое местных, сбросив на сцену тёплую одежду, начинают с кривляньями откаблучивать нечто напоминающее твист. Другие пацаны молча стоят у стенки и лузгают семечки.

Дама от администрации бочком ретируется из клуба. Ребята, стоявшие у окон, и девчата, расположившиеся у батарей, ручейком потекли к выходу. Местные их уходу практически не препятствуют. Только один из парней, с расстёгнутым воротом рубахи, на полусогнутых ногах, растопырив руки, погонявшись за другими убегающими в панике девчатами, ослабившись, подходит к растерявшейся студентке и хватает её за руку:

– Чё, цыплёночек, подрыгаемся? Куда вы тикаете все? А танцевать с нами кто будет, а?

Девчонка от испуга ойкает, громко кричит «Мамочка!» и «Ну пусти же!», кусает парня за руку, вырывает свою руку из лап хулигана и, закрыв лицо ладонью, со слезами на глазах бежит к выходу. Шпанёнок бросает ей в след:

– У, зараза!

Парень прикладывает носовой платок к месту укуса. Кодла местных парней дружно гогочет и улюлюкает вслед уходящим. Вдруг один из пацанов скидывает свою заячью шубу и ушанку на руки приятелям и сказочным образом превращается в...белокурую длинноволосую девушку. Стройную. Красивую. В нарядном лёгком платье нежно-голубого цвета. Отирающийся возле неё парень разворачивает тряпку и протягивает девушке голубые туфли. Опираясь на плечо своего пажа, она быстро скидывает с ног унты, а парень надевает ей на ноги туфли. Девушка отворачивается от толпы и, укрывшись между двумя своими пажами, быстренько подтягивает чулки. Встряхивает кудрями, расправляет волосы по плечам и повелевает рукой освободить место вокруг неё, что и было мгновенно исполнено.

– Надо ж какая чувиха образовалась! – шепчет Олег.

С самого начала вторжения местных трое приятелей оказались в их окружении. Пришельцы косо и недобро зыркают на троицу, сплёвывая сквозь зубы на пол, но близко к ним не подходят. Слышны их презрительные реплики: «Фраера!», «Тоже мне, пижоны!», «Понаехали тут!»

Атаманша манит к себе пальчиком одного из своих телохранителей – высокого смуглого угрюмого парня 18-20 лет и что-то шепчет ему на ухо. Тут же парень направляется к трём приятелям и, ткнув Илью пальцем в грудь, говорит, обволакивая их убойным запахом дешёвых сигарет «Дымок» и показывая головой в сторону предводительницы:

– Она тебя приглашает танцевать.

– Я, в общем-то, не танцую, – теряется Илья.

– Иди, пока добром просит, – парень берётся двумя пальчиками за свитер Ильи и тянет его в сторону белокурой красотицы. – Ты ей понравился.

Илья пожимает недоумённо плечами. Отступить было некуда. Но страха приятели не испытывают. Они обмениваются многозначительными презрительными взглядами, мол, нам ли бояться какой-то там мелкой шпаны.

– Ну ладно, иду, – Илья отцепляет пальцы смуглого парня от своего свитера и направляется к белокурой девахе.

Они медленно, качая бёдрами, начинают двигаться под песню Сальваторе Адамо «Падает снег». Илья переговаривается с партнёршей. Шпана на это дело смотрит ревниво, с неодобрением. Вдруг девушка прижимается к Илье всем телом и кладёт ему голову на плечо. Слышится недовольный ропот местных. Володя спрашивает Олега:

– Отобьёмся?

– Не-а. Сравни, сколько их и сколько нас.

Песня закончилась. Илья галантно раскланивается и возвращается к товарищам красный как рак:

– Светланой её зовут.

Через одну-две минуты вновь включается магнитофон. Звучит песня Майи Кристалинской «А снег идёт». Тот же парень вновь подходит к москвичам и передаёт Илье команду Светланы:

– Иди! Она снова с тобой танцевать желает.

Илья, скривившись, обречённо идёт. Смуглый парень остаётся стоять с Олегом и Володей и многозначительно им подмигивает:

– Положила глаз на вашего рыжего. Этого длинного. Он ей понравился.

Володя с Олегом переглядываются. Они мучительно ищут выхода из положения, но не находят. И тогда в предчувствии опасности Володю осеняет:

– Послушай, друг, мы студенты. Пришли сюда потанцевать. А тут такое. Меня Володей зовут, – Володя навязчиво протягивает руку смуглому парню, и он её вяло пожимает. – А это Олег. А тебя как зовут?

– Артуро, – неохотно бросил смуглый.

Неожиданно для себя Володя уточняет:

– Артуро? Ты не русский?

– Ну да, Артуро, – удивлённо повёл бровью парень.

– Так ты, должно быть, испанец?!

– Ну да, испанец.

– Ты, Артуро, советский испанец! Надо же, какая встреча, амиго! – воодушевляется Володя и поднимает кулак вверх. – ¡No pasarán! «Они не пройдут!» Какими судьбами здесь?

– У меня отец-директор городской овощной базы.

– Вот здорово! Директор базы! Так и мы испанцы! Не настоящие, конечно, а студенты Института иностранных языков имени Мориса Тореза. Третий курс. Этим летом работали в студенческом отряде в Казахстане. На целине. И вот мы зимой решили в каникулы немного отдохнуть, – говорит Володя быстро. – Осваиваем испанский язык и культуру Испании. Ходим в Испанский клуб в Дом культуры имени Чкалова. Знаешь?

– Знаю.

– А ты смотрел фильм «La Reina del Chantecler» – «Королева “Шантеклера”»?

– Видел, – глаза Артуро добреют.

– А фильм «Digan lo que digan» – «Пусть говорят!» с Рафаэлем?

– Тоже видел. Отличный!

– Вот! Отличные испанские фильмы! Мы, Артуро, друзья Испании. ¡Viva España! ¡No pasarán! Артуро, amiго, дружище, дайте нам спокойно уйти отсюда, а?

– Это от меня не зависит.

– А от кого?

– От неё.

– Она что, у вас командир?

– Командир. Как скажет, так и будет.

– Так ты ей посоветуй, чтобы она распорядилась отпустить нас с миром.

– Не слушает.

– А ты попробуй! Мы же ничего плохого вам не сделали, а? А то, что одеты так, так это мы себе заработали этим летом на целине. В Казахстане. Своим потом и кровью. Замолвишь за нас?

– Не знаю, – мямлит Артуро. – Что я могу?

– Всё!

К беседующим присоединяется Илья:

– Она сказала, чтобы в 23:00, то бишь через час, я пришёл на встречу с ней к калитке на выходе из дома отдыха. Один.

Артуро стоит рядом и слушает.

– А ты что? – спрашивает Олег Илью.

– Я ничего не сказал, – понурился Илья.

– И что теперь? – обратился я к Артуру. – Что делать Илье? Идти или не идти?

Стоящий в двух шагах за спиной Артуру подленький шпанёнок с бегающими глазками прислушивается к нашему разговору. Достает из брезентового чехла на поясе финку с наборной цветной рукояткой и начинает демонстративно подрезать и чистить ею ногти на пальцах. Артуру даёт ему знак рукой отдалиться. Шпанёнок с презрительным выражением лица нехотя отходит.

– Конечно, идти. Иначе Светка скажет, и его зарежут. – Артуру показывает пальцем на Илью. – Впрочем, если и не пойдёшь, то потом тебя всё равно зарежут.

– Выходит, и так и так зарежут? – доходит до Ильи.

– Выходит, так, – Артуру сочувственно вздыхает.

Володя решается уточнить у парня, что он конкретно имеет в виду.

– За что? – голос Володи противно дрожит.

– За то, что танцевал со Светкой. За то, что ей приглянулся.

– Так он танцует не по своей воле.

– Какое дело! Не всем это по нраву. Такое не прощается!

– Так мне идти к ней или не идти? – Илья пытается добиться от Артуру конкретного ответа.

– Мужик, честно говоря, не знаю! Не знаю, что ей в голову взбредёт, если придёшь. А если не придёшь, так вас всё равно в номере достанут. Эти, – он мотнул головой в сторону своих. – А если с собой тебя уведёт, то потом эти тебя точно зарежут. Из мести. Такое не прощается.

И вот тут ребятам становится совсем не по себе. Шпана потихоньку к ним подтягивается, злобно и угрожающе зубоскаля, пока их атаманша танцует с одним из своих.

Володя вполголоса, чтобы не слышали его приятели, шепчет Артуру:

– Артуру! Ну скажи своим, Свете, такой милой девушке, чтобы нас выпустили. Мы уйдём. Сделай доброе дело! Попробуй!

Артуру пожимает плечами:

– Ладно, попробую.

Он направляется к Светлане и на ухо ей что-то настойчиво шепчет, на что Светлана, глянув в сторону Ильи, качает головой. Артуру возвращается к инязовцам.

– Ну что? – нетерпеливо спрашивает его Володя.

– Она сказала... Она ничего не сказала!

– Артуру, очень тебя просим, – продолжает упрашивать Володя, – сделай так, чтобы Светлана, эта чудесная красивая и такая милая девушка, оставила Илью в покое. Нам в институте испанский язык преподают советские испанцы, республиканцы, как твой отец, герои, участники Великой Отечественной войны. Твой отец тоже, наверное, воевал?

– Воевал.

– Вот! И наши отцы воевали. Может, они вместе воевали. А вы нас ни за что убить хотите. Как же так?! Своих!

Артуру вновь идёт к Светлане. Что-то ей говорит. Девушка царственно и повелительно машет рукой, и местные парни расступаются.

– ¡Hasta la vista! – испанцы по очереди говорят Артуру на прощание.

– Adiós! Прощайте! – отвечает им Артуру уже миролюбиво.

Приятели гордо идут к выходу сквозь враждебную толпу, не мигая, не глядя по сторонам и не оглядываясь. Выходят на улицу и один за другим бегут, спотыкаясь, скользя, падая и чертыхаясь, по дорожке к жилому корпусу. Протирают от снега глаза. Вдали показался жилой корпус, казавшийся вымершим из-за множества тёмных окон.

Илья, бегущий первым, резко останавливается. На него налетают Олег с Володей. Они все сваливаются в сугроб. Илья, отдышавшись, говорит, глядя на приятелей:

– Ну и в дыру мы, ребята, попали!

Володя снова обижается за свою маму:

– Причём здесь моя мама? Главное, сам говорил, чтобы были снег, воздух, как слеза, мы и тишина.

– Да не про мамашу твою речь, козёл! Мёртвая здесь какая-то тишина, – Илья шипит голосом вурдалака, простирая руки в высоту. – Ну и влипли мы! По самый...

– Да, что ни на есть. Влипли по самый... – нервно хохотнул Олег.

Приятельки идут по полутёмному за отсутствием нескольких лампочек на потолке коридору. Из одного номера доносятся ритмичный скрип кровати, стоны, охи и вздохи.

– Вот! Все здесь отдыхают как люди, – говорит Илья, указывая пальцем на дверь номера, – а мы как три хе... хрена на блюде. Ещё и ключ этот! Не лезет, чёрт бы его побрал!

Ребята входят в комнату, запираются и устало бухаются на кровати.

– Может, вызвать милицию? – робко, растягивая слова, предлагает Володя, хотя ему очень не хотелось выглядеть трусливее своих товарищей.

Но Илья относится к предложению серьёзно:

– Приедут! Жди! Вот на мой труп приедут, а так... Скажут, что шутники их разыгрывают. Да и телефон закрыт в кабинете директора. А где ключ? Кто нам его даст? Пьяный вахтёр, который сразу нас стилиягами и тунеядцами окрестил? Он нас в кабинет директора пустит? Ни фиги!

– Может, дёру дадим? – потирает щёку Володя.

– Куда мы сейчас от них убежим, ночью-то? Транспорт – не ходит, до города – далече. В деревне шпана болтается. Пути перекрыты. Далекое не уйдём. Догонят. Идти на станцию? Когда будет электричка – неизвестно. На станции укрыться негде. А за бортом – минус двадцать. Замёрзнем. Нет, я пойду через час к калитке. Будь что будет! Зато вас не тронут эти твари, – Илья с тоской смотрит на звёздное небо, потом на свои ручные часы Seiko. – Сейчас 22:00. С копейками. Через час я пойду на встречу.

Олег его перебивает:

– Никуда ты не пойдёшь! Тем более один. Мы тоже с тобой пойдём.

Олег вопросительно посмотрел на Володю. Володя молча ему кивает. Илья грустно произносит:

– Чтобы и вас тоже зарезали? А если я не пойду, то они сами сюда за мной придут. И вам достанется из-за меня.

– Правильно говорят: «Не родись красивым», □ – пошутил Володя.

Илья понял шутку, но ему было не до смеха.

– Нет, я пойду один, – без особого воодушевления настаивает он на своём.

– Вот что. Мы будем драться! Здесь! Решено! – безапелляционно заявляет Олег.

Приятельки обводят комнату взглядом.

– Будем, – говорит Володя. – Только вот чем? Кулаками или перочинными ножичками?

Не говоря ни слова, Олег встаёт, берёт за спинку стул и с размаху одним ударом об пол разносит его на составные части. Длинные увесистые задние ножки даёт Володе и Илье. В стенку начинают возмущённо стучать соседи. Но Олег таким же образом разбивает и второй стул. Стук в стенку сразу прекращается. Потом Олег раздаёт Илье и Володе по две лыжные палки. Две ножки стула кладёт на тумбочку. К ней же прислоняет и лыжные палки. Достает раскладной охотничий нож и тоже кладёт его на тумбочку. Развязывает шесть лыж у стенки.

Илья, примеряя палку по руке:

– Значит, отец Артуро-директор местной овощебазы? Та-а-ак! Для такого городка это авторитетный руководитель.

– Авторитетный, – соглашаются с ним приятельки, кивая головами. – И весьма.

По команде Олега «Ну-ка, братцы, дружно взялись!» ребята без шума передвигают платёжный шкаф к двери. Но он слишком лёгок. Тогда они подпирают его столом, на который кладут две тумбочки.

– Если придут, другие кровати сразу наваливаем сверху, – строго отдаёт команды Олег. По-армейски.

Затем тушит свет. Нервы у всех напряжены. Студенты прислушиваются к тишине. Через некоторое время Володя спрашивает:

– Интересно, который час на твоих хвалёных светящихся Seiko?

– 23:00.

– Ложитесь пока. Будем ждать, – командует Олег.

Тихо и темно в комнате. Слышно только дыхание ребят да виден в окнах в свете фонарей падающий снег.

– А теперь сколько? – спрашивает Володя.

– 23:30.

– А теперь?

– 24:00.

– А сейчас?

– 2:00.

Уставшие, разморённые свежим воздухом и сытые по горло адреналином ребята почти одновременно засыпают. Слышны храп, посапывание, скрип кровати...

Яркий солнечный свет ударяет в комнату сквозь окна. Приятели просыпаются почти одновременно. Лежат молча, глядят в потолок, соображая, где они и что вчера с ними приключилось. Смотрят недоумённо друг на друга, оглядываются по сторонам, потягиваются. Встают, заспанные, автоматически прибирают и заправляют свои постели. Ставят на место тумбочки, кровать, затем шкаф.

– Видать, Артуро уговорил-таки атаманшу, – говорит Олег.

– И как ты догадался? Раз живы, значит, уговорил, – сонно зевает Илья. Глядя на разбитые стулья, добавляет: – Наломали мы тут дровишек! Это всё ты, бугор, натворил!

– Лес рубят – щепки летят! Да здравствует Испания! – в этот раз Олег разглаживает свои усы нежно, с любовью.

– Да, наша дружба с Испанией не ржавеет. Viva España! – удовлетворённо потирает руки Володя.

– Viva! – радостно подхватывают Илья с Олегом, размахивая спинками стульев, как знамёнами.

– Я люблю, тебя жизнь! Я люблю тебя снова и снова! – поет Илья.

– Кажись, братцы, наш отдых и дела налаживаются! – поддерживает его Володя.

– Будем жить! – заключает Олег.

И, хлопая друг друга по рукам, все трое разом загоготали – громко, радостно и облегчённо.